

УДК 316.7; 79
ББК 7

Дуков Евгений Викторович

Доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор,
главный научный сотрудник, сектор художественных проблем
массмедиа, Государственный институт искусствознания, 125009, Россия,
Москва, Козицкий пер., 5
ORCID ID: 0000-0002-2097-369X
ResearcherID: AAR-6655-2021
evdukov@mail.ru

Ключевые слова: СССР, 1960–1980-е годы, социальная структура
общества, миграционные процессы, советская повседневность,
советская городская культура, ирония

Дуков Евгений Викторович

Социокультурные модификации в СССР 1960– 1980-х годов

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2023-3-36-61

Для цит.: Дуков Е.В. Социокультурные модификации в СССР
1960–1980-х годов // Художественная культура. 2023. № 3. С. 36–61.
<https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-3-36-61>.

For cit.: Dukov E.V. Sociocultural Modifications in the USSR of the
1960s–1980s. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2023, no. 3,
pp. 36–61. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2023-3-36-61>. (In Russian)

Dukov Evgeny V.

D. Sc. (in Philosophy), PhD (in Art History), Professor, Chief Researcher,
Mass Media Arts Department, State Institute for Art Studies, 5 Kozitsky
Lane, 125009, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2097-369X
ResearcherID: AAR-6655-2021
evdukov@mail.ru

Keywords: USSR, 1960s–1980s, social structure of society, migration
processes, Soviet everyday life, Soviet urban culture, irony

Dukov Evgeny V.

Sociocultural Modifications in the USSR of the 1960s–1980s

Аннотация. В статье рассматриваются взаимосвязанные процессы новой урбанизации, перестройки социальной структуры общества и интеллектуальной атмосферы в СССР в 1960–1980-е годы. При анализе советской городской культуры этого времени акцентируются миграционные процессы, а также особенности адаптации сельского мигранта к урбанистической среде. Социокультурные изменения 1960–1980-х годов выводят на первый план категорию «личной жизни», что находит отражение не только в массовой жилищной архитектуре и разнообразных видах досуга, но и в искусстве, в частности кинематографе тех лет. Отмечается важная роль самиздата не только в полноте реализации литературного процесса в то время, но и в оперативном реагировании на новую языковую картину страны. Автор подчеркивает нарастание критической и иронической составляющей в восприятии и осмыслении советской действительности в общем социальном климате рассматриваемого периода, в том числе деятелями культуры, науки и искусства (среди основных примеров — сарказм А.А. Зиновьева, исследования комического Ю.Б. Борева).

Abstract. The article examines the interrelated processes of new urbanization, the restructuring of the social structure of society and the intellectual atmosphere in the USSR in the 1960s-1980s. When analyzing the Soviet urban culture of that time, migration processes are emphasized, as well as the peculiarities of adaptation of rural migrants to the urban environment. The socio-cultural changes of the 1960s and 1980s brought to the fore the category of “personal life”, which is reflected not only in mass housing architecture and a variety of leisure activities, but also in art, in particular the cinema of those years. The article highlights the important role of samizdat not only in the completeness of the implementation of the literary process at that time, but also in the prompt response to the new linguistic picture of the country. The author emphasizes the growing critical and ironic component in the perception and understanding of Soviet reality in the general social climate of the period under review, including by cultural, scientific and artistic figures (among the main examples are the sarcasm of A.A. Zinoviev and the studies on the comic by Yu.B. Borev).

Мы построим, наконец, новый мир?

Мы живем в фантастически противоречивое время. Интеллигенция в 2022 году отмечает 100 лет со дня рождения замечательного кинорежиссера, сценариста и киноактера Леонида Иовича Гайдая. В том же году Россия празднует (в соответствии с указом Президента РФ В.В. Путина) 100-летие выдающегося философа, логика, социолога, писателя Александра Александровича Зиновьева. В соответствии с этим указом государство даже учредило 10 персональных стипендий имени Зиновьева для студентов философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Почему идеи мастера комедий Гайдая так странно в 1960–1970-е годы перекликаются с идеями социального философа Зиновьева? Ведь они даже не знали друг друга! Хотя, конечно, жили в одно время и переживали за свою страну.

«Мыслитель и гражданин», как начертано на его поминальном камне, А.А. Зиновьев передал за границу в 1976 году для опубликования труд «Зияющие высоты», который назвал «социологическим романом». Это было его первое крупное литературное произведение, которое сразу принесло автору мировую славу. Роман сразу был переведен на 23 языка, впрочем, кроме русского — на русском книга вышла в 1991 году. В ней он саркастически выписал ту модель социализма, которую СССР выработал в постсталинское время. За это, понятно, автора лишили всех наград, званий⁽¹⁾, запретили читать лекции, перестали в СССР печатать. Но он продолжал писать и печататься за границей и упорно продолжал жить в России. Но после второй книги — «Светлое будущее» (1978) — все-таки был выслан из СССР. Читал лекции в престижных университетах, получал премии и награды, наверное, мог считать себя «человеком мира», но, как только стало возможным, вернулся⁽²⁾.

Откроем первые страницы его книги «Зияющие высоты». Здесь очень много пересечений как с кинокомедиями, особенно Гайдаем,

(1) Он уже был членом-корреспондентом РАН по специальности «логика».

(2) Объясняя причины возвращения в Россию, он писал: «Хочу в ушедшие года, / пусть будет нестерпимо плохо. / Твоим я буду навсегда, / меня родившая эпоха!» (Зиновьев А.А. Я, ребята, не поэт // Феномен Зиновьева. 80 / Сост. А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 360).

Данелией, Рязановым и другими «социальными кинокомедиантами», так и писателями: Зощенко, Булгаковым, Ильфом, Петровым. Но мир у Зиновьева более жесткий, весь наполненный сарказмом.

«После исторических мероприятий, — повествует автор, — поселок Ибанск преобразился... Сортир надстроили и одели в сталь и стекло. Теперь со смотровой площадки туристы, неудержимым потоком хлынувшие в Ибанск, могут воочию убедиться в том, что просочившиеся к ним ложные слухи суть клевета. <...> Чтобы туристам было что посмотреть в свободное от посещений образцовых предприятий время, вокруг гостиницы воздвигли десять новеньких живописных церквей десятого века и ранее. Стены церквей древними фресками разукрасил сам Художник, создавший портрет Заведующего на передовой позиции и удостоенный за это премии, награды и звания. <...> Речку Ибанючку вдоль и поперек перегородили. Она потекла вспять, затопила картофельное поле, бывшее гордостью ибанчан, и образовало море, ставшее гордостью ибанчан. За это все жители, за исключением некоторых, были награждены. Заведующий зачитал по этому поводу доклад, в котором дал анализ всему и обрисовал все. В заключение он с уверенностью сказал: погодите, еще не то будет. <...>

На том берегу вырос новый район из домов, одинаковых по форме, но неразличимых по содержанию». Тут настолько было все одинаково, что у местного жителя «нет полной уверенности в том, что он у себя дома и что он есть именно он, а не кто-то другой...» [16, с. 4].

За этой по необходимости длинной цитатой встает картина СССР 1960-х и ее столицы — Москвы. Именно там была построена гигантская гостиница «Россия»⁽³⁾, окруженная маленькими церквушками, и начали возводиться бесконечные кварталы «Новых Черемушек», куда расселяли горожан не только в Москве, но во всех городах страны. Это было «типовое строительство», издавна практиковавшееся на Руси, но во второй половине XX века решенное в железобетоне. Не железобетонной только оказалась социальная конструкция, созданная большевиками.

Период после 1950 года в СССР стал во многом рубежным. Часть страны после Второй мировой войны лежала в руинах. Не хватало

(3) «Россия» (1967–2006) считалась самой большой гостиницей мира до 1980 года.

рабочих рук. В 1947–1948 годы разразилась засуха, которая унесла около 1,5 млн человек. Надо было срочно восстанавливать промышленность. Выбор, что прежде — города или деревни, — был решен в пользу города. Начался новый виток урбанизации.

Процесс новой урбанизации в стране носил исключительно интенсивный характер: путь, который Западная Европа прошла за два с половиной столетия, СССР преодолел примерно за 25 лет. Шла быстрая перестройка социальной структуры общества. Страна из сельскохозяйственной вмиг превратилась в индустриальную. Опережающими темпами росли крупные города⁽⁴⁾, площадь которых каждое двадцатилетие, несмотря на различные регламентирующие акты, увеличивалась примерно вдвое. Человек на протяжении своей жизни фактически должен был осваивать два новых для себя города под одним названием. Или ограничиваться одним «своим» районом — как пожелает новый житель-квартиросъемщик.

Если на Западе на протяжении XX века происходило сближение культурных уровней разных городов и страт, то в СССР сохранялась и углублялась культурная дифференциация как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Провинциальность стала важной проблемой страны, и особенно интеллигенции. Выстроилась культурная вертикаль: Москва — Ленинград (Санкт-Петербург) — областные центры — районные центры и т.д. Чем ниже ступень в этой иерархии, тем выше степень провинциальности, ограничивающая условия работы, престиж, возможность публичного признания, международные связи, а также набор различных благ — как бытовых, так и культурных. Совсем не как на Западе!

Как не стать горожанином?

В 1961 году впервые численность горожан в СССР превысила число сельских жителей, а со второй половины 1960-х годов отток населения из села стал больше его естественного прироста. Исчезновение практики «отходничества» на заводах и фабриках [см.: 30] спрово-

(4) На начало 1983 года в стране был 51 город с населением свыше полумиллиона жителей, из них немногим меньше половины (22 города) — с населением более одного миллиона человек.

ждалось серьезным разрывом связей с деревней. Бывший крестьянин приезжал на родину, к родным не столько поработать, как раньше, сколько отдохнуть. Много художественных произведений связано с этой темой. Одной из ее центральных проблем стала адаптация сельских мигрантов к новой среде. Непривычным для сельских мигрантов здесь действительно становилось многое.

При переезде в город бывшие крестьяне лишались своей недвижимости, своего участка кормилицы-земли, живой природы и трудодней. Взамен получали паспорт с пропиской⁽⁵⁾, свободное время, комнату в коммуналке, которая более или менее быстро замещалась отдельной квартирой, бульвар, парк и постоянную зарплату⁽⁶⁾. И бывший крестьянин должен был освоить общественный транспорт. Это была совершенно другая атмосфера, которая требовала адаптации человека.

Для бывших крестьян все эти внутригородские перемещения выходят далеко за рамки обычного. На поездки на работу, с культурными и бытовыми целями, получившие название «маятниковой миграции», человек тратил примерно 15% зарплаты и 4 часа в день в крупных городах. И вероятно, фиксирующийся с 1970 года феномен «транспортной усталости» у горожан имеет гораздо большее значение для первого поколения мигрантов.

Существенно отличается от сельской — по колориту и функциям — архитектурная среда современных городов. Вместо привычного для деревенского ландшафта преобладания зеленого, голубого и черного цветов в городе господствует мертвенно-серый и свинцово-синий. Вместо соизмеримых с человеком усадебных домов на одну семью — многоэтажные и многосемейные бетонные громады.

Но едва ли не самое существенное различие — в организации архитектурного пространства, обычно ярко отражающего господствующие социально-регулятивные механизмы. Сельское поселение обычно выстраивается как единство индивидуальных домов и индивидуального приусадебного пространства, образованное общей с соседями улицей и обрамленное естественным ландшафтом. В современном же городе, как отмечают сами архитекторы, «обширная и бесфор-

(5) Паспорта у крестьян лежали в правлении колхоза.

(6) Колхозники начали получать зарплату только с 1 июля 1966 года. И несравнимо меньшую, чем в городе.

менная внутриквартальная территория принадлежит одновременно всем домам и в то же время ни одному из них... Места много, но оно не нужно, ибо организовано оно таким образом, что мы не можем признать его „своим“... Наш дом... не продолжается в пространстве города, а значит, и в пространстве нашей культуры — он обрывается на пороге собственной квартиры» [13, с. 40]. При такой структуре улица как функциональный элемент городской среды исчезает. Естественный ландшафт или маскируется, втискиваясь в рамки искусственной среды, или полностью изменяется, освобождая место новому, рукотворному [подробнее см.: 11].

Однако не только подобные внешние черты городов были непривычными для сельских мигрантов. Здесь господствовал совершенно иной социально-психологический климат. Прежде всего потому, что город заставляет человека включаться в огромное количество частных контактов с весьма аморфной массой людей. Уже в конце 1960-х годов было подсчитано, что при средней плотности сельского населения в РСФСР около 40 человек на 1 км², средней скорости человека 4 км/ч и около четырех часов движения за световой день селянин имеет возможность вступить в контакт максимум с 32, как правило, хорошо знакомыми ему людьми. Аналогичный пересчет для крупных городов давал цифру 10 тыс. контактов. Важно и то, что в большинстве своем городские контакты принудительны, имеют функционально-ролевой характер, и это делает невозможным и даже психологически вредным их личностное наполнение. Сочетаясь со спецификой организации городского пространства, это усиливает атомизацию личности и, соответственно, делает более резким контраст с традиционным сельским стилем жизни [5, с. 21].

Вместе с тем советская городская культура основывалась на иных принципах, опиралась на иную систему социальной регуляции, близкую общинно-артельному типу. Как известно, до второй половины 1950-х годов коллективные формы преобладали практически во всех сферах деятельности горожан. В бараках и коммунальных квартирах быт не мог не быть коллективным. Коллективными были и большинство досуговых форм, от коллективных чтоток и сценок до массовых

выходов в театральные-зрелищные предприятия⁽⁷⁾. Показательно, что и городские кварталы имели тогда четкую дворовую структуру, в пространстве которой формировались и функционировали домовые коллективы. И закономерно, что в этот период дифференцировать городскую культуру и культуру городов в сущностном смысле, вероятно, было нецелесообразно. Они были бытийно синонимичны. Подобная модель жизни рассматривалась тогда как закономерная для социалистического общества вообще.

Закономерно, что в культуре такого типа жизнь как различных по величине городов, так и сел при всем наборе специфических характерных черт имела много общего. Мигрант 1930-х годов, создатель фундамента советской индустрии в первые пятилетки оказывался в более знакомой для себя социально-психологической обстановке по сравнению с мигрантом 60–70-х годов, для которого адаптация к новым условиям превращалась в весьма серьезную проблему. В культуре советских городов рубежа 1960-х годов все явственней начинают пробиваться ростки специфической урбанистической городской культуры, отличающие ее от традиционной сельской. А в 1980-е годы некоторые исследователи пришли к убеждению, что развитие урбанизации на своей собственной, «городской» основе — вообще дело будущего и начнется только тогда, когда прекратятся массовые миграции из сельских районов [38]. С этой точки зрения 1960–1980-е годы можно охарактеризовать как первый этап становления и распространения современных урбанистических отношений в России.

Становление культурного многообразия

Индивидуализация, обособление человека в городе стало одним из важных моментов новой культурной ситуации. «В наши дни, — отмечал А.С. Ципко, — как бы увеличивается территория интимной личной жизни людей. Значительная часть индивидуального поведения граждан социалистического общества (включая их досуг, вкусы), которая еще 30–40 лет назад была предметом опеки и внимания разного рода

(7) «Предприятиями» стали называть театры, концертные организации, цирки с 1930-х годов.

общественных организаций, теперь отошла в сферу так называемой „личной жизни“» [37, с. 48].

Одной из первых областей, в которой отразились новые черты социального бытия, стало градостроение. Место «домов нового быта», уничтожавших индивидуальный очаг как таковой, заняла концепция отдельной квартиры для каждой семьи. Былые «коммуналки» начали исчезать, а бараки, последние памятники «артельного быта» 1930–1950-х годов, шли под снос или перестраивались.

Практически одновременно возникла и стремительно эволюционировала целая индустрия обслуживания личного быта и личного досуга — от продуктов бытового дизайна до технических средств тиражирования культуры. За современной градостроительной политикой, как и за сопутствовавшей ей системой обслуживания, стояла новая концепция советского человека — индивидуальности, для становления и развития которой и предназначается обособленное пространство жилища со всей его «начинкой».

Но изменения эти не везде протекали с одинаковой скоростью. Более подвижными оказались крупные города, концентрировавшие большой интеллектуальный и культурный потенциал и отличавшиеся более высоким общим квалификационным уровнем работающих. Самыми инертными — старые малые города. Тип поселения в современный период оказывался чрезвычайно значимым с точки зрения культурных различий. Как показали исследования, даже уровень образования, получаемого в городах различной величины и типа, неодинаков в силу особенностей учителей, разного уровня развития культурной среды, сети учреждений культуры. Пространство жизнедеятельности общества в результате стало еще более разнородным по своим культурным характеристикам, чем раньше.

Страной овладела лихорадка перемещений. В 1970–1980-е годы их число ежегодно доходило до 15–18 млн [26, с. 6]. Основная доля приходилась на межгородские перемещения. А основными двигателями здесь стало личное желание и соседские связи по месту рождения. Правительство предлагало «комсомольские стройки» в разных уголках страны в обмен на привилегии — романтику, зарплату, квартиры, ордена и т.д. Но, видимо, это был только один источник перемещения «рабочей силы». Доски объявлений и специальные бюллетени были заполнены призывами типа «Ищу работу!» или «Комбинат

предлагает...». В стране распространилось «чемоданное настроение». Многие стремились переехать из одного города в другой, а внутри города — поменять район жительства. Старая поговорка «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше» приобрела новый смысл. Ясно, что старые соседские связи стали обрывочными. Город все больше отделял людей друг от друга и от их корневой культуры.

Интенсивные перемещения сделали серьезной проблемой процесс социального самоопределения значительной части не только мигрантов, но и коренных жителей в городах. Наплыв «чужих» соседей способствовал распространению психологии временного жителя. Уже в середине 1970-х годов около 80% жителей больших городов не общались со своими соседями [см. : 40]. «Красные уголки» прекратили существование даже там, где они функционировали. Жилые постройки 1960–1980-х годов не имели для них площади. Резко снизилось значение домовых комитетов. Зеленые уголки перед домами, где традиционно стояли скамейки и самодельные столики, собирались соседи поиграть в домино, шахматы, просто поболтать друг с другом, начали превращаться пустыри, потом в детские площадки и в конце концов в стоянки личных автомобилей.

Одновременно эти перемещения оказались связаны с распадом удерживавшихся на протяжении длительного времени больших трехпоколенных семей. Волны урбанистической революции обособливали семьи в пространстве городов и увеличивали дистанцию между поколениями, расслаивая семьи по возрастам. Дети стали смотреть на родителей только как на источник финансового вспомоществования. Книжки, газеты (если они были в семье) и телевизор они оставили старшим поколениям, журналы (в том числе самиздаты) и новые медиа забрали себе. И ушли из дома в открывавшиеся кафе, на дискотеки и концерты, на которых звучали новые песни, частью неподцензурные. Примерно так, приблизительно, конечно, выглядел процесс взросления общества в 1950–1990-х годах.

Горожане стали обращаться друг к другу по-другому. В ход пошли слова «дама», «гражданин», «мужчина» вместо «товарищ». Подобные слова отразили увеличивающуюся коммуникативную дистанцию между горожанами. Возникли словари, где лингвисты пытались объяснить своим согражданам, что означают те или иные слова и выражения, принятые вне современного литературного русского языка. Первым

откликнулся на потребности новой языковой картины страны самиздат. Л.М. Городин подготовил словарь арготических синонимов [1]. Затем — МВД. В репринте в 1971 году вышел сборник жаргонных слов и выражений, подготовленный для милиции И.П. Вориводой [10]. В 1973 году Академия наук СССР выпустила словарь «Новые слова и значения» [28]. Выпускник МГУ, уехавший в 1974 году в США, В.Д. Козловский стал известен собранием русских воровских словарей и арго русской гомосексуальной субкультуры, вышедшими в Нью-Йорке в 1980-е годы и быстро попавшими в СССР [21; 22]. Известный лингвист В.А. Исаченко в 1973 году начал выпускать журнал *Russian Linguistics* (издатель Springer Science+Business Media, издается в Нидерландах). В 1980-е годы на его страницах появились статьи о ненормативной лексике и об обценных выражениях современного русского языка [24; 25]. Но до 1990 года такого рода литература выпускалась или за границей, или в СССР очень маленьким тиражом и хранилась под грифом «для служебного пользования». Только после 1990-го она стала доступной, разнообразной⁽⁸⁾. Лингвисты, культурологи, социологи не без удовольствия рассматривали первые десятилетия послевоенного «языкового строительства».

Трансформации запечатлелись и в изменении ритуала такого традиционного средства установления межличностных контактов, как танец: дискотека заменила парные танцы индивидуальными и не случайно получила определение формы «коллективного одиночества», хотя еще долго в методической литературе муссировались идеи о том, как лучше превращать дискотеку в знакомый «хоровод».

Происшедшие на протяжении 1960–1980-х годов изменения в городской среде позволили говорить о возрождении элементов допетровского «теремного образа жизни». Это образ жизни отличался исключительной замкнутостью быта изолированных семейных ячеек⁽⁹⁾. В новом раскладе сил одно из ведущих мест отводится уже

(8) Жаргонных словарей и энциклопедий было выпущено с десяток, а с внедрением интернета около сотни. Появились серьезные научные работы. См., например, диссертацию С. Гойдовой на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Молодежный жаргон в системе современного русского национального (общенародного) языка» (защищена в 2004 году на кафедре общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина).

(9) В литературе по социальной психологии личности в это время начала активно об-

личной культуре. И не случайно уже со второй половины 1950-х годов как социально необходимая возникла категория «личного времени» и вместе с ней категория «личной жизни».

Но опора на «личный быт» сразу сделала очень существенными специфические корневые особенности культурных слоев города, поскольку, как показали этнографы, домашний быт значительно дольше и прочнее сохраняет традиционные черты, чем публичная сфера деятельности [4, с. 53]. Культурные различия в новой урбанистической среде сделались более заметными, чем раньше, и в стране практически впервые встала проблема межкультурного взаимодействия отдельных этнических и социальных групп общества.

Ее обнажил в первую очередь процесс адаптации сельского мигранта к среде урбанистического города. С одной стороны, выяснилось, что «новая среда заставляет мигрантов менять какие-то нормы поведения и ценностные ориентиры, которые существуют в городской среде». С другой стороны, было обнаружено, что мигранты осваивают не все, а только легкодоступные и престижно-знаковые модели городского образа жизни, не меняя в основном традиционные стереотипы поведения. При этом, как отметили этнографы, лишь часть старых культурных форм исчезла. Другая часть их переплелась с современными мировоззренческими ценностями, а некоторые сохранились в нетронутом «законсервированном» виде, «не развиваясь и не включаясь в современные культурные процессы» [19, с. 41, 45]. Способствует же этому система общения, основанная главным образом на родственных и земляческих контактах, особенно активных в случае миграции в иноэтническую среду. Мигранты, особенно окончившие сельские школы, как бы отгораживались от внешних воздействий новой для них культуры.

Подобный «культурный иммунитет» не всегда оказывается явным. Пожалуй, лишь всенародные и некоторые бытовые и обрядовые праздники позволяли почувствовать, что жизнь традиционных фольклорных форм не угасает и в урбанистической среде. В 1960–1970-е годы певцы, гармонисты, танцоры на улицах городов с характерно

суждаться проблема «социального интеллекта» — системы личностных качеств, от которых зависит продуктивность общения.

сельской манерой исполнения, подчас поддающейся даже региональной идентификации, на краткое время делают эту жизнь публичной и зримой. Однако в сверхкрупных городах-агломерациях при высокой концентрации сельских мигрантов она оказывается ярко выявленной и регулярной.

Так, в Москве и Ленинграде, например, в 1970-е годы родились и утвердились массовые народные гулянья, по существу чисто сельского типа, получившие название «парковых пятачков». Они сложились естественным путем в окраинных парках этих городов (в Москве — в Измайловском, в Ленинграде — в Удельном) и, как показали фольклористы, почти точно воспроизвели пространственную и жанровую структуру традиционных сельских празднеств. «Пятачки» стали свидетельством живучести традиционно сельского типа сознания и обнажили значительный пласт современной культуры, городской по локализации, сельской по своим корням [15]⁽¹⁰⁾.

Подобная тенденция обнаруживает, что в современной ситуации, когда городская культура предоставляет человеку около 600 различных видов досуговой деятельности и не ограничивает в принципе свободу его выбора, носитель сельской культуры теряется, ибо само наличие такого выбора вне его обычаев и традиций. Необходимо время для освоения культурного предложения города и соответствующих способов досугового поведения. Но времени не было. «Социалистическая урбанизация» предлагала желающим народные университеты культуры, дворцы культуры, клубы для подъема культурного уровня городов. Однако бывшие крестьяне ориентировались прежде всего на своих. Не случайно они очень выборочно участвовали в городском культурном досуге и почти не были ориентированы на имеющиеся в настоящее время формы культуры. Ученые утверждали: «Само по себе строительство в городах учреждений культурного обслуживания, пусть даже самых уникальных, специализированных, не приводит автоматически к развитию городской культуры, культура не возникает „вдруг“, ее становление нельзя ускорить по принципу „каждому городу свой Большой театр“. Более того, сама целесообразность, сама

(10) Об одном из «пятачков» в 1987 году режиссер и исследователь А. Ханютин снял документальный фильм «Пятачок» (авторы сценария Н. Дегтева, И. Васильева).

потребность развития системы учреждений, с помощью которых формируют их культуру, в огромной мере определяется готовностью местных условий, зрелостью местной городской культурной среды, интенсивностью городской жизни, интеллектуальным потенциалом города, уровнем образования его населения и т.п. Потребность в театре или концертном зале должна созреть» [35, с. 26]. Но разве их кто-нибудь слушал?

Такое «созревание» возможно только тогда, когда система ценностей носит «городской» характер. А мигранты подминали социалистический город под себя. Город делал их свободными от сельских обычаев, но не мог разом привить свои. Мигрантов было много, и они заняли место пролетариата XIX века. Ни Маркс, ни Энгельс не имели в виду, когда разрабатывали идеи «Коммунистического манифеста», ситуацию в России шестидесятых прошлого века. Рабочим было что терять при социализме. В стране шел процесс «обуржуазивания» [12, с. 64]⁽¹¹⁾. И не в последнюю очередь это отразилось на разнице в благосостоянии разных страт. Незаметно в 1960-х годах зарплата рабочих сравнялась, а потом и превзошла среднюю зарплату ИТР. Квалифицированный труд в период «зрелого социализма» стал цениться меньше неквалифицированного [31]. Пирамида потребностей Маслоу [27] не перевернулась, как на Западе. Для большого количества новых советских горожан из нее просто выпали верхние «городские» звенья.

Правда, в городах было еще меньшинство. Его в России было принято называть «интеллигенцией». Часть из них работала в НИИ, ИТР, в вузах, но другая часть пополнила ряды рабочего класса. Появились бичи с высшим образованием, инженеры-шабашники, творческая молодежь подалась в дворники и сторожа.

Начались процессы, которые приведут к перестройке и «призрачным городам» в кино [39], откликаясь на трагикомические, апокалиптические и абсурдистские умонастроения, носившиеся в интеллигентской среде начиная с периода реальных, все еще советских 70-х.

(11) Интересно, что первыми этот процесс заметили на Западе.

Они знали, как надо

Они знали, как надо искать, чтобы добраться до истины. Во время войны они прошли пол-Европы. На некоторых из них висел груз ответственности за оборону, потом — за восстановление народного хозяйства. Все они видели, как живут люди там и тут. Часть из них стала задумываться, туда ли идет их страна. Писали письма в правительство, Сталину. В ответ Сталин начал закручивать гайки. С 1946 года до самой кончины генералиссимуса продолжались репрессии. Клаус Гества, заведующий Институтом восточноевропейской истории и краеведения университета им. Карла Эберхарда, довольно точно сформулировал проблему, которая стояла перед поколениями, выжившими и победившими фашизм, а также вступавшими в жизнь после войны: «Советский социализм... больше не воодушевлял, а вскоре стал объектом двусмысленного пародирования» [12, с. 66]. Все послесталинские вожди — Хрущев, Брежнев, Черненко, Горбачев, часть министров — были излюбленными объектами анекдотов и шуточных притч. Конечно, не все придерживались этой точки зрения — считали, что все-таки можно построить социализм «с человеческим лицом». Надо только постараться исправиться.

Но страна тихо бурлила. Председатель КГБ СССР в 1960-х годах В.Е. Семичастный информировал руководство ЦК КПСС: «Критиканство под флагом борьбы с культом личности, опорочивание основ социалистического строя, огульное высмеивание наших недостатков является, по существу, основной тематикой многих произведений литературы и искусства. Складывается впечатление, что для публикации или постановки произведений в некоторых издательствах, театрах и студиях в настоящее время обязательным условием является наличие в них выпадов против нашей действительности. Не случайно поэтому в репертуарах театров и киностудий часто стали появляться пьесы и картины, которые вызывают ажиотаж обывателей, всегда спешащих увидеть „скандальный“ спектакль или фильм, в которых представители государственного аппарата, да и сам аппарат изображаются как мрачная стена, стоящая на пути всего нового, передового. Такие спектакли и кинокартины серьезно влияют на подрыв авторитета власти... В театре Родзинского [так в тексте. — Ред.] „Снимается кино“. Это двусмысленная вещь, полная намеков

и иносказаний о том, с какими трудностями сталкивается творческий работник в наших условиях, и, по существу, смыкается с идеями, охотно пропагандируемыми на Западе, об отсутствии творческих свобод в Советском Союзе, о необходимости борьбы за них. При этом отсутствие якобы „свободы“ увязывается с требованием партийности в искусстве. <...> „Ленфильмом“ сделан фильм „Друзья и годы“. Он охватывает этап в жизни нашей страны с 1934 по 1960 год. На протяжении 26 лет изображается привольная, обеспеченная жизнь карьеристов, проходимцев и жуликов и мучения честных советских граждан...» [34, с. 5–6].

Министерство культуры СССР тоже озаботилось: «Работа над композицией о Высоцком, упорство в отстаивании идеологически чуждых моментов, стремление во что бы то ни стало создать шумиху вокруг этой постановки свидетельствуют о том, что Ю.П. Любимов задался целью утвердить себя в общественном мнении, особенно за рубежом, в качестве лидера „альтернативного“ театра, некоего „особого направления“ в искусстве» [18, л. 22–23].

Подобные документы не только показывают «кухню» власти этого времени, но, главное, убеждают, что художественная интеллигенция не была одинока в борьбе за идеалы культуры. Ее поддерживала «своя» публика.

С конца сороковых годов группы школьников, студентов, преподавателей, научных работников начали объединяться в небольшие «клубы» и по-новой штудировали классику марксизма-ленинизма, чтобы понять, что «классики» имели в виду, когда писали свои труды, и как это соотносится с реальной советской действительностью. Они критически обсуждали постановления власти, сравнивали наши достижения с мировыми и т.д. То тут, то там города начали подавать голоса — Москва, Ленинград, Свердловск, Пермь, Новосибирск... [34; 29]. Органы КГБ закрывали кружки, разгоняли, сажали [20]... Но медиа нельзя посадить!

Газеты, журналы, партийные и комсомольские работники, общество «Знание» ездили по стране, разъясняя политику партии и правительства. И часто сталкивались с непониманием публики. Секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов информировал ЦК КПСС, в частности, что в Новосибирске с комсомолом плохо. Не понимают момента, вопросы задают. Например, сотрудников СО АН СССР интересовало:

— Сколько можно спекулировать на имени Ленина? История не знает примеров более спекулятивного отношения к имени великого человека...

— Почему в газетах и по радио врут о всеобщем политическом подъеме, воодушевлении и единогласном одобрении? Ведь никакого единогласия нет, а если и есть, то в том смысле, что одинокий голос ЦК тонет в ропоте массового неверия. Зачем же мы врем? Ведь все равно и за рубежом, и у нас все знают правду...

— <...> Какая разница между тайным затворничеством одного руководителя и затворничеством коллегии руководителей страны? Мы по-прежнему ничего не знаем, кто они, эти люди, которые решают наши судьбы, что они думают, что и как решают. Боже мой, неужели там не понимают, что в наше время, после Сталина, после Хрущева, все имеют право знать, что решает ЦК, — ведь это касается всех... Это рождает неуверенность, тревогу, даже страх...

— Меньшинство в партии, в комсомоле, в науке и искусстве должно иметь право агитировать за свою точку зрения теми же средствами, которыми в данный момент располагает большинство. Иначе принцип демократического централизма превращается в грубую физическую силу и становится тормозом развития...

— <...> У нас есть колхозы, это факт. А философии у нас нет. Это тоже факт, который невозможно отрицать. Почему так получилось? Существуют объективные и субъективные причины такого положения, и они, как зеркало, отражают ненормальное положение в политической жизни нашего общества...

— За рубежом над нами смеются. После снятия Хрущева стыдно встречаться с иностранцами... [32].

Возникли «самиздат» и «тамиздат». Самиздат с 1950-х годов содержал романы, новеллы, пьесы, афоризмы, анекдоты, научные исследования, публицистику, мемуары, частную переписку, декларации, манифесты, жалобы в прокуратуру и другие органы власти, открытые письма и т.д. Собранные вместе, они в 2005 году составили солидный трехтомник [3; 23]. Тамиздат, в отличие от самиздата, включал книги, журналы, статьи, изданные за границей и нелегально передававшиеся на родину. С конца 1960 года заявил о себе рок-самиздат, который описывал новую реальность в музыке [см.: 2]. С 1970 года Москов-

ский архив нового искусства (МАНИ) собрал вокруг себя независимое арт-сообщество [36] и тоже начал публикационную деятельность.

Социолог и психолог О.Т. Вите отмечал, что с конца 1950-х годов советская повседневность начала разделяться на две публичные сферы — публичную и приватно-публичную. Первая регулировалась писаными законами и правилами власти, а вторая — неписаными культурными устоями и соглашениями [9, с. 69]. Самиздат и все иные «самости» входили в круг постоянно расширяющихся видов деятельности, которые регулировались приватно-публичной сферой. Трудно не согласиться с В.В. Игруновым, который утверждал: «Без погружения в тот синкретический интеллектуальный бульон, в котором выростала инакомыслящая интеллигенция, без переживания нерасчлененности культурного многообразия этого мира и, одновременно, чуждости, противопоставленности и невероятной отдаленности советского культурного космоса и космоса диссидентства невозможно понять современную российскую историю» [17, с. 11].

Наука тоже внесла свой вклад в этот «интеллектуальный бульон». На следующий год после XX съезда КПСС, где был разоблачен культ личности Сталина, вышла книга замечательного исследователя, заведующего отделом теории ИМЛИ РАН Ю.Б. Борева «О комическом» [6] и еще через 13 лет, уже в брежневскую эпоху, — «Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия» [7]⁽¹²⁾. Автор как бы напомнил новым генеральным секретарям КПСС о функции смеха и комедии в социуме.

Почему именно эти издания можно поставить в один ряд с анти-сталинскими трудами? Исследователи сталинской эпохи, завершая книгу «Госсмех: сталинизм и комическое», подчеркивают: «Сталинизму была чужда двусмысленность, но свойственна абсолютная уверенность в своей компетентности и в праве вершить суд над всеми» [14, с. 144]. Впервые в советской эстетике комическое стало предметом серьезного научного осмысления. В книгах Ю.Б. Борева были разобраны комедийный характер и комедийные обстоятельства, комедийная деталь и сатирическое преувеличение и заострение, пародирование,

(12) Эта монография была первой по эстетике с начала 1930-х годов.

окарикатуривание, гротеск, а также разные языковые средства — «острота», «каламбур», «иносказание». Содержатся и особенно важные для России того времени параграфы — «Положительный герой. Саморазоблачение и взаиморазоблачение сатирических персонажей» и «Ирония-сарказм» [6; 7].

Ю.Б. Боров был не только философом. Он «изобрел» новую форму фольклора, которую назвал «интеллигентским». Автор писал: «В преданиях и анекдотах разворачивается художественная реальность, соотносимая с действительностью, но не тождественная ей. Неискаженное знание истории не может сложиться без обращения к устной памяти народа: лишь взаимопроверка письменных документов и устных преданий дает объемное и точное видение» [8]. Он своими методами утверждал идеи демократического общества. Его «Сталиниада» (1991) представляла собой мемуары «по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора». По этому же принципу сделаны «История государства советского в преданиях и анекдотах» (1995), «Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т.д.» (1995), «Кто против России? Ванька-встанька и состояние мира» (2004) и др. М. Розовский, обозревая эту серию книг, подчеркивал: «Читая „Сталиниаду“, я в параллель тексту думал о великой правоте Бахтина, который ставил игру и карнавализацию жизни на вершину художественности, и в этом плане собрание Борева имеет великий смысл и эффективное качество самого высшего литературного свойства. Нет, это не мелочи, не безделушки и не игрушки без видимой пользы, это важнейшие свидетельства из-за беспамятства помутненной жизни всего, что было бытом в сталинское средневековье. Если мы хотим осмыслить наше, по сути, фантомное прошлое, нам следует читать и перечитывать боревскую „Сталиниаду“» [33, с. 1].

Комедия и ее основное выразительное средство — ирония — на протяжении трех десятилетий сопровождали развитие советской России. Из более чем 1000 режиссеров, работавших для кино, выделилось всего несколько фигур, для которых этот жанр стал основным — Леонид Гайдай, Эльдар Рязанов, Георгий Данелия. Блеснули Марк Захаров, Владимир Меньшов, Виктор Титов и еще несколько фигур. И все! Все-таки сложный жанр — комедия!

Список литературы:

- 1 «А-Я». Самиздат. Словарь арготических синонимов Л.М. Городина / Под ред. В.Ф. Житникова. Свердловск, 1960. 168 с.
- 2 Алексеева А. География и некоторые особенности отечественного рок-самиздата 1980–90-х годов // Исследования молодых музыковедов: к 125-летию учебных заведений имени Гнесиных: Сборник статей по материалам XIII Международной научной конференции студентов и аспирантов, апрель 2020 года / Отв. ред. Т.И. Науменко, А.А. Гундорова, И.С. Захарбекова. М.: ПАМ имени Гнесиных, 2020. С. 470–481.
- 3 Антология самиздата: Неподцензурная литература в СССР. 1950-е — 1980-е / Под ред. В.В. Игрунова; сост. М.Ш. Барбакадзе. В 3 т. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. Т. 1, кн. 1. 496 с. Т. 1, кн. 2. 358 с. Т. 2. 768 с. Т. 3. 448 с.
- 4 Арутюнов С.А. Этнографическая наука и культурная динамика // Исследования по общей этнографии: Сборник статей / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. Ю.В. Бромлей и др. М.: Наука, 1979. С. 24–60.
- 5 Баранов А.В. Общине по месту жительства и соседства // Социологические исследования города / Отв. ред. О.Н. Яницкий. М., [б.и.], 1969. 216 с.
- 6 Боров Ю.Б. О комическом / Акад. наук СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Искусство, 1957. 232 с.
- 7 Боров Ю.Б. Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 268 с.
- 8 Боров Ю.Б. Власти-мордасти. М.: Пропаганда, 2003. 352 с. URL: <https://1001.ru/books/item/vlasti-mordasti-24> (дата обращения 11.03.2023).
- 9 Вите О.Т. Избиратели — враги народа? (Размышления об адекватности электорального проведения и факторах, на ее уровень влияющих) // Этика успеха. 1996. № 9. С. 58–71.
- 10 Воривода И.П. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом. Алма-Ата, 1971. 102 с.
- 11 Генисаретский О.И. Искусство и духовная жизнь общества: теоретико-методологические аспекты // Общие проблемы искусства. Обзорная информация. Вып. 2. М.: Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина, Информкультура, 1987. 36 с.
- 12 Гества К. Советский человек. История одного собирательного понятия // Вестник общественного мнения. 2018. № 1–2 (126). С. 58–75. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00004>.
- 13 Гутнов А. Город и деревня: диалог сквозь века // Знание — сила. 1984. № 8. С. 39–42.
- 14 Добренко Е., Джонсон-Скрадоль Н. Госсмех: сталинизм и комическое. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 768 с.
- 15 Жуланова Н.И. XX век: Молодежное фольклорное движение: Краткий обзор истории становления и тенденций развития // Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х — начало 1990-х годов. СПб., 1999. С. 107–133.
- 16 Зиновьев А.А. Зияющие высоты // Libking.ru. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/133475-aleksandr-zinoviev-ziyayushchie-vysoty.html> (дата обращения 11.02.2023).
- 17 Игрунов В.В. Введение // Антология самиздата: Неподцензурная литература в СССР. 1950-е — 1980-е. В 3 т. Т. 1. Кн. 1. До 1966 года / Под ред. В.В. Игрунова; сост. М.Ш. Барбакадзе. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. С. 8–16.
- 18 Информация министра культуры СССР П.Н. Демичева 10 ноября 1981 года. Секретно. Экз. N 1. ЦК КПСС О поведении режиссера Любимова Ю.П. в связи с подготовкой спектакля «Владимир Высоцкий» в театре на Таганке // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 1014. Л. 22–23.

- 19 Коган М.Э. Поведенческие индикаторы этнокультурных ориентаций у горожан // Этнокультурные стереотипы поведения / Под ред. А.К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. С. 34–47.
- 20 Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев, 1953 – начало 1980-х гг. 3-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 462 с.
- 21 Козловский В. Собрание русских воровских словарей: В 4 т. New York: Chalidze Publications, 1983. Т. 1. 225 с. Т. 2. 230 с. Т. 3. 246 с. Т. 4. 200 с.
- 22 Козловский В. Арго русской гомосексуальной субкультуры. Материалы к изучению. New York, Benson (Vermont): Chalidze Publications, 1986. 228 с.
- 23 Комароми А., Кузовкин Г. Каталог периодики самиздата 1956–1986. М.: Международный Мемориал, 2018. 168 с.
- 24 Косцинский К. Ненормативная лексика и словари // Russian Linguistics. 1980. № 4. С. 363–396. <https://doi.org/10.1007/BF03545812>.
- 25 Левин Ю.И. Об общенных выражениях русского языка // Russian Linguistics. 1986. № 10. С. 61–72. <https://doi.org/10.1007/BF02551594>.
- 26 Макарова Л.В. Миграционная политика Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы развития: Монография. М.: МГГЭИ, 2013. 80 с.
- 27 Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
- 28 Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. М.: Советская энциклопедия, 1973. 546 с.
- 29 Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы: В 6 т. Т. 2: 1941–1985. Пермский край / Ин-т истории и археологии УрО РАН, Агентство по делам архивов Пермского края; гл. ред. академик РАН В.В. Алексеев, отв. ред. д.и.н. А.Б. Сусллов. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. 688 с.
- 30 Отходники: Монография / Плюснин Ю.М. [и др.]. М.: Новый Хронограф, 2013. 364 с.
- 31 Прищепа А.С. К вопросу о материальном благосостоянии советских инженерно-технических кадров (1960–1970-е гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 38–42.
- 32 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 490. Л. 75–84.
- 33 Розовский М. Сталина надо поздравить // Московский комсомолец. 20.12.2015. С. 1.
- 34 Советская интеллигенция, Лубянка и Старая площадь в 1960-х – 1980-х годах / Публикацию подг. А.В. Новиков, предисловие Ю.В. Аксютина // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 3–27.
- 35 Социально-культурные функции города и пространственная среда / Л.С. Бахурина, В.Г. Вардосанидзе, С.Г. Кешишян и др.; под общ. ред. Л.Б. Когана. М.: Стройиздат, 1982. 177 с.
- 36 Федулов А.Н. Литературно-художественный самиздат в СССР в 1970–1980-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5. С. 219–221.
- 37 Ципко А.С. Социализм: жизнь общества и человека. (Полем. заметки). М.: Мол. гвардия, 1980. 287 с.
- 38 Шевелева Р.Н. Современные процессы урбанизации: характеристика, влияние на региональное развитие // Проблемы современной экономики: Материалы IV Международной научной конференции (Челябинск, 20–23 февраля 2015 года). Челябинск: Два комсомольца, 2015. С. 130–133. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/132/7093/> (дата обращения 28.09.2022).
- 39 Эвальд В.Д. Город-призрак в позднесоветском кинематографе // Артикульт. 2023. № 1 (49). С. 68–76. DOI: 10.28995/22276165202316876.
- 40 Янкова З.А., Родзинская И.Ю. Проблемы большого города: (Опыт социолог. исслед.). М.: Наука, 1982. 125 с.

References:

- 1 “A-Ya”. *Samizdat. Slovar' argoticheskikh sinonimov* L.M. Gorodina [“A-Ya”. Samizdat. Dictionary of Argotic Synonyms by L.M. Gorodin], ed. V.F. Zhitnikov. Sverdlovsk, 1960. 168 p. (In Russian)
- 2 Alekseeva A. Geografiya i nekotorye osobennosti otechestvennogo rok-samizdata 1980–90-kh godov [Geography and Some Features of the Domestic Rock Samizdat of the 1980s–90s]. *Issledovaniya molodykh muzykovedov: k 125-letiyu uchebnykh zavedenii imeni Gnesinykh: Sbornik statei po materialam XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov, aprel' 2020 goda* [Research of Young Musicologists: On the 125th Anniversary of the Gnesins Educational Institutions: Collection of Articles Based on the Materials of the 13th International Scientific Conference of Students and Postgraduates, April 2020], eds. T.I. Naumenko, A.A. Gundorina, I.S. Zakharbekova. Moscow, RAM imeni Gnesinykh Publ., 2020, pp. 470–481. (In Russian)
- 3 *Antologiya samizdata: Nepodtsenzurnaya literatura v SSSR. 1950-e – 1980-e* [Anthology of Samizdat: Uncensored Literature in the USSR. 1950s – 1980s], ed. V.V. Igrunov, comp. M. Sh. Barbakadze. In 3 vols. Moscow, Mezhdunarodnyi institut gumanitarno-politicheskikh issledovaniy Publ., 2005. Vol. 1, book 1. 496 p. Vol. 1, book 2. 358 p. Vol. 2. 768 p. Vol. 3. 448 p. (In Russian)
- 4 Arutyunov S.A. Ehtnograficheskaya nauka i kul'turnaya dinamika [Ethnographic Science and Cultural Dynamics]. *Issledovaniya po obshchei ehtnografii: Sbornik statei* [Studies in General Ethnography: Collection of Articles], eds. Yu.V. Bromlei et al. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 24–60. (In Russian)
- 5 Baranov A.V. Obshchenie po mestu zhitel'stva i sosedstva [Communication at the Place of Residence and Neighborhood]. *Sotsiologicheskie issledovaniya goroda* [Sociological Studies of the City], ed. O.N. Yanitskii. Moscow, 1969. 216 p. (In Russian)
- 6 Borev Yu.B. *O komicheskom* [About the Comic], Academy of Sciences of the USSR, A.M. Gorky Institute of World Literature. Moscow, Iskusstvo Publ., 1957. 232 p. (In Russian)
- 7 Borev Yu.B. *Komicheskoe, ili O tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovyayet cheloveka i utverzhdaet radost' bytiya* [Comic, or About How Laughter Executes the Imperfection of the World, Purifies and Renews a Person and Affirms the Joy of Being]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 272 p. (In Russian)
- 8 Borev Yu.B. *Vlasti-mordasti* [Power-Faces]. Moscow, Propaganda Publ., 2003. 352 p. Available at: <https://1001.ru/books/item/vlasti-mordasti-24> (accessed 11.03.2023). (In Russian)
- 9 Vite O.T. Izbiratel' – vragi naroda? (Razmyshleniya ob adekvatnosti ehlektoral'nogo povedeniya i faktorakh, na ee uroven' vliyayushchikh) [Are Voters Enemies of the People? (Reflections on the Adequacy of Electoral Conduct and Factors Affecting Its Level)]. *Ehtika uspekha*, 1996, no. 9, pp. 58–71. (In Russian)
- 10 Vorivoda I.P. *Sbornik zhargonnykh slov i vyrazhenii, upotreblyaemykh v ustnoi i pis'mennoi rechi prestupnykh ehlementom* [A Collection of Slang Words and Expressions Used in Oral and Written Speech by Criminals]. Alma-Ata, 1971. 102 p. (In Russian)
- 11 Genisaretskii O.I. Iskusstvo i dukhovnaya zhizn': teoretiko-metodologicheskie aspekty [Art and Spiritual Life of Society: Theoretical and Methodological Aspects]. *Obshchie problemy iskusstva. Obzornaya informatsiya*. [General Problems of Art. Overview Information]. Issue 2. Moscow, Gosudarstvennaya biblioteka SSSR imeni V.I. Lenina, Informkul'tura Publ., 1987. 36 p. (In Russian)
- 12 Gestva K. Sovetskii chelovek. Istoriya odnogo sobirate'l'nogo ponyatiya [Soviet Man. The History of One Collective Concept]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2018, no. 1–2 (126), pp. 58–75. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00004>. (In Russian)

- 13 Gutnov A. Gorod i derevnya: dialog skvoz' veka [City and Village: Dialogue Through the Centuries]. *Znanie – sila*, 1984, no. 8, pp. 39–42. (In Russian)
- 14 Dobrenko E., Dzhonsson-Skradol' N. *Gossmekh: stalinizm i komicheskoe* [Gossmech: Stalinism and the Comic]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 768 p. (In Russian)
- 15 Zhulanova N.I. XX vek: Molodezhnoe fol'klornoe dvizhenie: Kratkii obzor istorii stanovleniya i tendentsii razvitiya [20th Century: Youth Folklore Movement: A Brief Overview of the History of Formation and Development Trends]. *Samodeyatel'noe khudozhestvennoe tvorchestvo v SSSR. Ocherki istorii. Konets 1950-kh – nachalo 1990-kh godov* [Amateur Artistic Creativity in the USSR. History Essays. Late 1950s – Early 1990s]. St. Petersburg, 1999, pp. 107–133. (In Russian)
- 16 Zinov'ev A.A. Ziyayushchie vysoty [Yawning Heights]. *Libking.ru*. Available at: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/133475-aleksandr-zinovev-ziyayushchie-vysoty.html> (accessed 11.02.2023). (In Russian)
- 17 Igrunov V.V. Vvedenie [Introduction]. *Antologiya samizdata: Nepodtzensurnaya literatura v SSSR. 1950–e – 1980–e. V 3 t.* [Anthology of Samizdat: Uncensored Literature in the USSR. 1950s – 1980s. In 3 vols.]. Vol. 1, book 1: *Do 1966 goda* [Until 1966], ed. V.V. Igrunov, comp. M.Sh. Barbakadze. Moscow, Mezhdunarodnyi institut gumanitarno-politicheskikh issledovaniy Publ., 2005, pp. 8–16. (In Russian)
- 18 Informatsiya ministra kul'tury SSSR P.N. Demicheva 10 noyabrya 1981 goda. Sekretno. Ekz. N 1. TSK KPSS O povedenii rezhissera Lyubimova Yu.P. v svyazi s podgotovkoi spektaklya “Vladimir Vysotskii” v teatre na Taganke [Information of the Minister of Culture of the USSR P.N. Demichev November 10, 1981. Secret. Excerpt no. 1. The Central Committee of the CPSU on the Behavior of the Director Lyubimov Yu.P. in Connection with the Preparation of the Play “Vladimir Vysotsky” at the Taganka Theater]. *RGANI* [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, inv. 84, case 1014, ll. 22–23. (In Russian)
- 19 Kogan M.E. Povedencheskie indikatory ehnikul'turnykh orientatsii u gorozhan [Behavioral Indicators of Ethnocultural Orientations Among Citizens]. *Ehnikul'turnye stereotipy povedeniya* [Ethnocultural Stereotypes of Behavior], ed. A.K. Bayburin. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 34–47. (In Russian)
- 20 Kozlov V.A. *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve, 1953 – nachalo 1980-kh gg.* [Mass Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev, 1953 – Early 1980s]. 3rd ed., revised and compl. Moscow, ROSSPEN, Fond pervogo prezidenta Rossii B.N. El'tsina Publ., 2010. 462 p. (In Russian)
- 21 Kozlovskii V. *Sobranie russkikh vorovskikh slovarei: V 4 t.* [Collection of Russian Thieves' Dictionaries: In 4 vols.]. New York, Chalidze Publications, 1983. Vol. 1. 225 p. Vol. 2. 230 p. Vol. 3. 246 p. Vol. 4. 400 p. (In Russian)
- 22 Kozlovskii V. *Argo russkoi gomoseksual'noi subkul'tury. Materialy k izucheniyu* [Argo of the Russian Homosexual Subculture. Materials for Study]. New York, Benson (Vermont), Chalidze Publications, 1986. 228 p. (In Russian)
- 23 Komaromi A., Kuzovkin G. *Katalog periodiki samizdata 1956–1986* [Catalog of Samizdat Periodicals 1956–1986]. Moscow, Mezhdunarodnyi Memorial Publ., 2018. 168 p. (In Russian)
- 24 Kostsinskii K. Nenormativnaya leksika i slovari [Profanity and Dictionaries]. *Russian Linguistics*, 1980, no. 4, pp. 363–396. <https://doi.org/10.1007/BF03545812>. (In Russian)
- 25 Levin Yu.I. Ob obsennykh vyrazheniyakh russkogo yazyka [On Obscene Expressions of the Russian Language]. *Russian Linguistics*, 1986, no. 10, pp. 61–72. <https://doi.org/10.1007/BF02551594>. (In Russian)
- 26 Makarova L.V. *Migratsionnaya politika Rossiyskoi Federatsii: problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya: Monografiya* [Migration Policy of the Russian Federation: Problems, Trends and Development Prospects: Monograph]. Moscow, MGGEI Publ., 2013. 80 p. (In Russian)

- 27 Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality], transl. from English T. Gutman, N. Mukhina. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. 400 p. (In Russian)
- 28 *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov* [New Words and Meanings: Dictionary-Reference Book on the Materials of the Press and Literature of the 60s], eds. N.Z. Kotelova, Yu.S. Sorokin. Moscow, Sovetskaya ehntsiklopediya Publ., 1973. 546 p. (In Russian)
- 29 *Obshchestvo i vlast'. Rossiyskaya provintsiya. 1917–1985: Dokumenty i materialy: V 6 t.* [Society and Power. Russian Province. 1917–1985: Documents and Materials: In 6 vols.]. Vol. 2: *1941–1985. Permskii kraj* [1941–1985. Perm Region], eds. V.V. Alekseev, A.B. Suslov. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii Publ., 2008. 688 p. (In Russian)
- 30 *Otkhodniki: Monografiya* [Otkhodniks: Monograph], Plyusnin Yu.M. et al. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2013. 364 p. (In Russian)
- 31 Prishchepa A.S. K voprosu o material'nom blagosostoyanii sovetkikh inzhenerno-tekhnicheskikh kadrov (1960–1970-e gg.) [On the Issue of the Material Well-Being of Soviet Engineering and Technical Personnel (1960s–1970s)]. *Kaspiiskii region: politika, ehkonomika, kul'tura*, 2019, no. 3 (60), pp. 38–42. (In Russian)
- 32 *RGANI* [Russian State Archive of Contemporary History], f. 5, inv. 30, case 490, ll. 75–84. (In Russian)
- 33 Rozovskii M. Stalina nado pozdravit' [Stalin Should Be Congratulated]. *Moskovskii komsomolets*, 20.12.2015, p. 1. (In Russian)
- 34 *Sovetskaya intelligentsiya, Lubyanka i Staraya ploshchad' v 1960-kh – 1980-kh godakh* [Soviet Intelligentsia, Lubyanka and Staraya Square in the 1960s – 1980s], publication A.V. Novikov, foreword Yu.V. Aksyutin. *Voprosy istorii*, 2005, no. 9, pp. 3–27. (In Russian)
- 35 *Sotsial'no-kul'turnye funktsii goroda i prostranstvennaya sreda* [Socio-Cultural Functions of the City and the Spatial Environment], L.S. Bakhurina, V.G. Vardosanidze, S.G. Keshishyan et al., ed. L.B. Kogan. Moscow, Stroizdat Publ., 1982. 177 p. (In Russian)
- 36 Fedulov A.N. Literaturno-khudozhestvennyi samizdat v SSSR v 1970–1980-e gg. [Literary and Artistic Samizdat in the USSR in the 1970s–1980s]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4–5, pp. 219–221. (In Russian)
- 37 Tshipko A.S. *Sotsializm: zhizn' obshchestva i cheloveka. (Polem. zametki)* [Socialism: The Life of Society and Man. (Polemical Notes)]. Moscow, Mol. Gvardiya Publ., 1980. 287 p. (In Russian)
- 38 Sheveleva R.N. Sovremennye protsessy urbanizatsii: kharakteristika, vliyanie na regional'noe razvitie [Modern Processes of Urbanization: Characteristics, Impact on Regional Development]. *Problemy sovremennoi ehkonomiki: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. (Chelyabinsk, 20–23 fevralya 2015 goda)* [Problems of Modern Economics: Materials of the 4th International Scientific Conference (Chelyabinsk, February 20–23, 2015)]. Chelyabinsk, Dva komsomol'tsa Publ., 2015, pp. 130–133. Available at: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/132/7093/> (accessed 28.09.2022). (In Russian)
- 39 Evallyo V.D. Gorod-prizrak v pozhdnesovetskom kinematografe [Ghost City in Late Soviet Cinema]. *Articult*, 2023, no. 1 (49), pp. 68–76. DOI: 10.28995/22276165202316876. (In Russian)
- 40 Yankova Z.A., Rodzinskaya I.Yu. *Problemy bol'shogo goroda* [Big City Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 125 p. (In Russian)